

**Арте
факт
детектив**

Оружие древних героев
существует не только
в мифах и легендах...

НАТАЛЬЯ СОЛНЦЕВА

**Кинжал
Зигфрида**

ЭКСМО

Артефакт-детектив. Астра Ельцова

Наталья Солнцева
Кинжал Зигфрида

«Издательство АСТ»

2008

Солнцева Н. А.

Кинжал Зигфрида / Н. А. Солнцева — «Издательство АСТ»,
2008 — (Артефакт-детектив. Астра Ельцова)

ISBN 978-5-699-28971-4

К Астре Ельцовой, неофициально занимающейся частными расследованиями, обратилась за помощью Леда Куприянова – ее жених Влад уехал в командировку и не вернулся. Решив побольше узнать о семье Леды, Астра выяснила, что ее отец был увлечен поисками кинжала Зигфрида, якобы принадлежавшего легендарному скандинавскому воину... Следы Влада потерялись в глухих лесах Новгородской области, куда он зачем-то отправился на охоту. В тех же местах десять лет назад погиб известный профессор Лианозов, состоявший в отдаленном родстве с Куприяновыми. Он тоже был одержим поисками кинжала. Неужели клинок мифического героя все же существует, и Влад поддался лихорадке кладоискательства?

ISBN 978-5-699-28971-4

© Солнцева Н. А., 2008

© Издательство АСТ, 2008

Содержание

Глава 1	5
Новгородская область. За десять лет до описываемых событий	5
Глава 2	8
Подмосковный поселок Витеневка. Наше время	8
Глава 3	13
Глава 4	18
Москва	22
Глава 5	24
Подмосковный поселок Витеневка	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Наталья Солнцева

Кинжал Зигфрида

Все события вымышлены автором. Любые совпадения случайны.

*Однообразные мелькают
Все с той же болью дни мои,
Как будто розы опадают
И умирают соловьи.*

*Но и она печальна тоже,
Мне приказавшая любовь,
И под ее атласной кожей
Бежит отравленная кровь.*

Н. Гумилев

Глава 1

Новгородская область. За десять лет до описываемых событий

Грибник насобирал целую корзину груздей, притомился. А уходить не хотелось. Он сел на теплый от осеннего солнца пенек и залюбовался увядающим лесом: золотые кроны деревьев упирались в синее небо, внизу, в поросшем ивняком овраге, журчал ручеек. От всей этой картины веяло тишиной, умиротворением.

Грибник снял кепку, пригладил седые волосы. Не та уже прыть, поясница ноет, ноги в суставах болят. Иной раз так прихватит, хоть криком кричи.

Дед взвалил корзину на спину и побрел к дороге. Он давно жил в этих местах, знал каждую тропинку, каждую просеку. По старой, испещренной выбоинами грунтовке мало кто ездил. В сухую погоду еще кое-как, а в распутицу лучше было сделать большой крюк по асфальтированному шоссе, иначе машина застрянет и до ближайшей деревни несколько километров шагать придется. За трактором.

Грибник рассчитывал поймать попутку, если повезет. Целую неделю стояло бабье лето, в воздухе летали паутинки, лужи подсохли. Только в глубоких колеях осталась черная вода, в ней плавали красные и лимонные листья.

Старик прислушивался: не едет ли машина. Но щебетали сороки, трещали сучья под его сапогами, больше ничего. Наконец лес расступился, и открылась коричневая лента дороги.

Грибник обрадовался: в десяти метрах от него, уткнувшись носом в толстый ствол березы, стоял автомобиль. Дверца со стороны водителя была открыта.

«Тоже по грузди пошел мужик? – подумал дед. – Или по нужде? Ничего, я подожду». Он поставил корзину на землю, приблизился и увидел шофера: тот откинулся на сиденье, свесив голову. Спит, что ли? Судя по одежде, не деревенский житель. Небось в гости едет.

– Эй! – робко произнес грибник. – Ты жив, мил-человек?

Ответа не последовало. Грибник обошел машину спереди. Она выглядела неповрежденной: бампер, капот, фары, решетка – все целое. Значит, аварии не было. Видимо, водитель

решил отдохнуть, а его и сморило на свежем воздухе. Человек уже не молодой, вон, виски седые, морщины на лице. Однако странная у него поза какая-то, и слишком он неподвижен – даже грудь не вздымается.

Преодолевая нахлынувшее неприятное волнение, грибник протянул руку и коснулся запястья шофера. Теплое, только пульса не прощупывается.

– Эй... – окликнул он спящего. – Тебе плохо?

Молчание.

Дед наклонился, прислушался: дышит мужик или нет? Тишина. Что за оказия?! Неужто мертвый? Ах ты, боже мой!

Вокруг монотонно шумели березы и ели. Пахло хвоей, разогретой дорожной пылью, бензином. Грибник оглянулся по сторонам – никого. Он потряс водителя за плечо – тот остался безучастным. Голова мотнулась, как тряпичная.

– Мертвый... – прошептал дед. – Не остыл еще. Кто ж это его?

На теле покойного не было ни ран, ни следов от удара – по крайней мере, на первый взгляд. Старик опасливо осмотрел салон машины – пара газет, небольшая дорожная сумка, карта. Казалось, водитель сам остановился, открыл дверцу... да так и не вышел. А может, и не собирался выходить: ждал кого-то. Хотя кого тут ждать, в лесу?

Деду захотелось курить. Он полез в карман за кисетом, дрожащими руками соорудил самокрутку. Едкий табачный дым ударил в глаза...

Подул ветер. С шорохом посыпались листья. Грибник докурил, постоял в задумчивости, перекрестился и потянулся за сумкой шофера. Тому она уже ни к чему...

* * *

Он вздрогнул, встрепенулся и пробудился от невыносимо долгого сна.

Казалось бы, ничего не изменилось вокруг – он все так же неподвижно лежит в полном мраке, рядом со своим хозяином. Вернее, тем, кто ошибочно считал себя его хозяином. На самом деле все далеко не так, как представляется. От человека, который мнил, будто владеет им, почти ничего не осталось. А он все тот же – юный и прекрасный, излучающий силу, несущий смерть. Не имеет значения, сколько прошло лет или веков. Он все так же готов исполнить предначертанное.

Вокруг в самом деле ничего не изменилось. Тишина, темнота, тяжесть, навалившаяся на него. Но откуда-то, невидимый и неслышимый, проник к нему импульс жизни, ожидание, жажда чужой плоти. Чьи-то мысли потянулись к нему, растревожили, искрами вспыхнули в холодном теле, согревая, разжигая блуждающий в нем огонь, предвкушение крови.

Не первый и не последний раз его сковывает сон. Не первый и не последний раз он просыпается, чтобы подчиниться зову судьбы.

Его путь начался так давно, что истоки терялись во мгле прошлого. Иногда ему грезились, что он вышел из тумана. Иногда казалось, что он родился в огне и грохоте, в дыму, в шипении пара... под произносимые заклинания... Слова слетали с уст и уносились прочь – то ли под высокие своды из почерневшего камня, то ли под темные небеса.

Марс и Сатурн наблюдали за его появлением на свет. Отныне они станут его покровителями. Они стояли на небе, подобно грозным стражам. Красный глаз Марса и яркое око Сатурна – Хроноса, властелина времени и судьбы, – вот что он запомнил, когда его тело обрело форму и бытие.

Хронос разделяет иллюзорное и реальное, его песочные часы отсчитывают мгновения. Но куда они текут, вперед или назад? Зыбкий лик вечности неуловим. Время принадлежит каждому и... никому. Время – мерцающий пульс жизни, ее изменчивый образ.

Хронос не зря стоял у его колыбели: властелин судеб наделил его даром отнимать и дарить время.

Его прекрасное, совершенное тело покрыли ритуальной татуировкой и облачили в дорожной наряд. Над ним совершили три тайных обряда, и он удостоился благословения богов.

Много священных источников иссякло с тех пор, много священных роц исчезло с лица земли. Его драгоценная одежда затерялась, но никто не смог лишить его силы и могущества. Он расчищал дорогу к власти, мстил за поруганную честь, наказывал предателей и останавливал героев. Его смертоносное жало алкало крови. Только напившись досыта, он снова оживал для славных свершений. Он служил тому, кто брал его в руки... но выскальзывал из слабых пальцев. Завладеть им было легче, чем удержать его.

Он помнил время легенд, драконов и красавиц с сумрачными очами. Он встречался с пророками и оракулами, императорами, полководцами, тиранами, магами и философами. Он пережил столько войн, столько возжей и столько царств, что потерял им счет. Он кочевал по родовым замкам и роскошным дворцам, по шатрам, палаткам, сундукам, корабельным трюмам, глухим подземельям, по сокровищницам, гробницам и домам простых горожан, пересекал пустыни вместе с торговыми караванами.

Он путешествовал по миру, из страны в страну, с континента на континент, из города в город. За ним охотились, его похищали, его хранили как зеницу ока, ради него совершали преступления, к нему бережно прикасались и прижимали к сердцу. Им любовались.

У него пытались отобрать имя. Появилось множество его двойников – самозванцев, которых выдавали за него разные прохвосты и мошенники.

Иногда ему приходилось год за годом проводить в бездействии, во мраке и забвении. Как сейчас...

Но он уже ощущал внутреннюю дрожь, гуляющие в нем токи. И сквозь дрему уже мечтал о том, ради чего был создан...

Глава 2

Подмосковный поселок Витеневка. Наше время

Загородный дом Куприяновых был построен в старинном духе. Помещичья усадьба в миниатюре: центральная часть с колоннами, два коротких полукруглых крыла, ко входу ведет аллея от самых ворот, позади дома разбит молодой сад.

– Ледушка, доченька, зачем нам этот несуразный безвкусный дворец? – вздыхала Римма Николаевна. – Паша осуществил свою прихоть, но теперь его больше нет. А нам такое количество комнат ни к чему. Чтобы содержать такую махину, нужна куча денег и целый штат прислуги.

Она прослезилась, приложила к красному распухшему носу батистовый платочек. Уже неделю Римму Николаевну мучила простуда – насморк, кашель и, как следствие, скверное настроение.

Дочь подняла на нее тщательно подведенные глаза.

– Что ты предлагаешь?

– Давай продадим дом. Будем жить в московской квартире. Здесь же глушь, до города час езды! Лес шумит за забором. Дуня бегаёт туда колокольчики собирать.

Дуней госпожа Куприянова называла домработницу – Евдокию Барсукову.

– Видишь, как хорошо. Где ты в городе возьмешь лесные колокольчики?

Римма Николаевна раскашлялась от негодования. Леда такая холодная, жесткая... Ей надо было родиться мальчиком. Отец смог бы передать сыну свой бизнес.

– Владу нравится этот дом, – ледяным тоном произнесла молодая женщина. – Я собираюсь выйти за него замуж, если ты помнишь.

– Ты его любишь?

Дочь выразительно повела плечами и промолчала. Мама умудрилась остаться наивной и непрактичной, до мозга костей пропитанной какими-то комсомольскими идеалами. За неимением сколько-нибудь значимых интересов она смотрела «мыльные» сериалы и читала любовные романы. В ее спальне целый стеллаж был заставлен книгами, на обложках которых мускулистые красавцы на фоне цветущих розовых кустов обнимали миловидных блондинок.

– Семейная жизнь полна подводных камней, – назидательно изрекла Куприянова-старшая. – Этот корабль остается на плаву только под парусами любви.

– Мама, я тебя умоляю! – закатила глаза Леда. – Влад сможет управлять нашей компанией. Он хорош собой, умен, знает два языка, получил образование в Кембридже. Он классный менеджер, понимаешь?

Римма Николаевна нарочитым жестом закрыла лицо руками и просипела:

– Мне стыдно, что я не привила тебе чистоты помыслов. Влад во всех отношениях приятный молодой человек, но... я не вижу огня в ваших глазах, когда вы рядом.

– Оставь, ради бога! Как будто вы с папой сгорали от страсти!

– Мы любили друг друга.

– Ой! – саркастически улыбнулась Леда. – Только вот не надо этих романтических сказок! Отец был прагматиком, карьеристом и презирал «сопли и лирику». Потом от богатства и вседозволенности у него началось разжижение мозгов...

Она прикусила язык. О покойных плохо не говорят.

Лицо матери, и без того покрытое аллергическими пятнами, стало багровым – ее душил приступ кашля. Римма Николаевна никогда, ни при каких обстоятельствах не осуждала мужа.

Теперь, после его кончины, ей и вовсе казалось кощунством любое кривое слово о нем. Тем более из уст дочери!

В семье Куприяновых все решения принимал отец, и они не оспаривались. Жена жила за ним, как за каменной стеной, исполняя роль хозяйки дома. Она долго не могла забеременеть, и, когда это наконец случилось, счастьем супругов не было границ. Как до, так и после рождения Леды Куприянов все материальные и житейские заботы брал на себя. Его смерть грянула громом не столько для дочери, сколько для Риммы Николаевны – она оказалась совершенно беспомощной перед лавиной обрушившихся проблем, которые требовали немедленного вмешательства.

После мужа осталась недвижимость, крупная сырьевая компания, сеть мелких фирм, счета в банке... Много всего. Вдова растерялась, пришла в отчаяние. Леда – сильная девочка, она пытается взять дела под свой контроль. Возникают сложности, то одно не складывается, то другое. Неудивительно, что она ищет опоры в лице Влада. Пусть поступает, как хочет. Ей виднее.

Откашлявшись и промокнув выступившие слезы, Римма Николаевна примирительно кивнула:

– Я не буду тебя отговаривать. Ты уже взрослая женщина, красивая, рассудительная, и в состоянии сделать правильный шаг. Мои взгляды безнадежно устарели.

Она невольно залюбовалась Ледой – той очень шел домашний костюм из лилового шелка. Девочка умеет со вкусом одеться, причесаться, произвести впечатление. На внешность ей грех жаловаться. Бог не поскупился, всем одарил – и лицом, и фигурой, и умом. Счастья бы еще! Двадцать семь лет – пора замуж. Влад – жених видный и ухаживает за Ледой. Только вот в последнее время почти не приезжает. Будущая теща прикинула – уже месяц она не видела молодого человека.

– Ты пригласи Влада к нам на ужин сегодня.

Леда отвела глаза, с показной веселостью объяснила:

– Он в командировке, в Питере. Решает вопросы по контрактам.

– А когда вернется?

– Пока сложно сказать... Недельки через две.

Влад и раньше пропадавал – то на десять дней, то на месяц. Дела компании, по словам Леды, требовали разъездов, длительного пребывания в других городах, а в перспективе – и в других странах. Так что Римма Николаевна не удивлялась. Ее встревожил странный тон дочери. Но она привыкла обходить сложности стороной, не углубляться в проблемы. Отчасти такое свойство характера помогло ей долгие годы мирно прожить в браке с властным, амбициозным и суровым мужем. Ее безропотность и мягкосердечие сглаживали острые углы и в отношениях с дочерью.

Они обе избегали говорить на тему, которая стала в семье запретной. И обе непрестанно возвращались мыслями туда, куда путь был заказан. Так уж устроен человек: чего нельзя, к тому и тянет. Эта двойственность, противоречивость души не поддается анализу, не имеет объяснения.

– Иди приляг, – сказала Леда, глядя на мать. – Ты неважно выглядишь. Нужно отдохнуть. В твоем возрасте простуда иногда дает серьезные осложнения.

Та ушла к себе, а дочка открыла бар, налила в бокал изрядную порцию коньяка, выпила, опустилась в глубокое кресло и закрыла глаза, ожидая облегчения. Вместо успокоительных таблеток она снимала нервное напряжение алкоголем, и это начало входить в привычку.

Леда тщательно скрывала от всех свою тягу к спиртному – особенно от родителей и жениха. Узнай отец о ее пристрастии к выпивке, разразился бы грандиозный скандал. В гневе он бывал отвратительно несдержан не только на слова, но и на руку – мог запросто отвесить

пару затрещин. Сей излюбленный воспитательный метод крутого на расправу отца держал Леду в строго определенных рамках.

Правда, маму он за всю жизнь пальцем не тронул, считал ее не от мира сего, убогой и *блаженной*. А убогих обижать Бог не велит.

– Ты, дочь, моя плоть и кровь! – говаривал он Леде. – А меня папаша, царствие ему небесное, драл нещадно. И человеком вырастил! Мать у нас другая – она агнец невинный. Не в пример нам с тобой.

Только святой мог находиться рядом с Павлом Куприяновым и не доводить его «до греха», то есть до сквернословия и рукоприкладства. Сотрудники, приближенные к его особе, и наемные директора дышать боялись при грозном хозяине. У Куприянова не забалуешь, вмиг на чистую воду выведет и накажет безжалостно.

Зато сейчас распоясались – в глаза лебезят, лукавыми устами улыбаются, а за глаза обманывают кто во что горазд. Натерпелись от хозяина, теперь наверстывают упущенное: плутуют в отчетах, бумаги липовые стряпают, тянут все, что ни попадя. Никому нельзя доверять!

Тысячу раз прав был отец, когда твердил: «У нас друзей нет, одни соперники, завистники да стервятники, которые только и ждут, когда Куприянов споткнется, упадет. Тогда слетятся коршуны, накинутся на лежачего-то, заклюют! Но я им такого удовольствия не доставлю».

Отец внешне походил на богатыря: статный, дородный, осанистый, с густыми вьющимися волосами, красиво подстриженной бородкой. Даже с возрастом, когда поседел и обзавелся брюшком, он оставался привлекательным мужчиной, сильным, пышущим здоровьем. Никто не подозревал об угнездившейся в нем коварной болезни, а сам Павел Анисимович хранил тайну до смерти. Уже после кончины семья узнала о диагнозе, поохали, поохали... А что сделаешь? Зато до последней минуты отец железной рукой управлял делами, вел привычный образ жизни. Никому и в голову не могло прийти, что могучий дуб вот-вот рухнет.

Предвидя неминуемую развязку, Куприянов написал последнее письмо, в котором прощался с семьей, каялся в своем крутом нраве, за вольные или невольные обиды, объяснял свою скрытность. Дескать, не хотел заранее одних огорчать, а другим давать повод для злобного торжества; не хотел показывать слабости, немощи телесной и пожелал уйти из жизни внезапно и красиво, не мучая окружающих и не обременяя заботами о своем бренном теле.

Видимо, узнав о болезни, отец ударился в религию, которой раньше не признавал. Он смолоду не отрицал Бога, но времена были не подходящие для веры, и Куприянов, как все, исповедовал другую идеологию – партийную. Изменились времена, изменились и нравы. Павел Анисимович изредка хаживал в церковь и только в последние годы стал ездить на исповедь в какой-то монастырь, молиться и носить на груди освященный золотой крест. Семья недоумевала.

Теперь, конечно, стало понятно, откуда появилось такое рвение.

– Папа, папа... – прошептала Леда. – Как же ты мог? Почему поступил с нами так? Неужели мы тебе чужие?

Без хозяина компания «Куприянов и партнеры» начала расплзаться по швам. Вдова и дочь при Павле Анисимовиче ни во что не вникали: нужды не было, да и тот не приветствовал дамского участия в делах – весь штат его управленцев состоял исключительно из мужчин. Господа эти пренебрегали интересами осиротевших женщин, и финансы компании потекли по тайному руслу на тайные счета. Проконтролировать все действия директоров и менеджеров дамы не имели возможности. Отчаянные попытки Леды навести хоть какой-то порядок в бумагах и банковских операциях разбивались о ее некомпетентность. И она возлагала надежды на Владу Неверова, за которого собиралась выходить замуж.

– Почему отец, зная о своей болезни, не ввел Римму Николаевну и тебя в курс бизнеса? – спрашивал тот. – Не обучил элементарным вещам? Не подготовил преданного человека, способного твердой рукой повести дела?

– С мамой это исключено, – горько улыбалась Леда. – Ей становится дурно от одних только слов *баланс, отчет, договор, сделка* и прочих в том же духе. Она даже в магазин ходит с Дуней. Указывает, что покупать, а та платит и получает сдачу. А у меня с отцом были напряженные отношения, мы перестали понимать друг друга. Если бы я была хоть чуточку внимательнее, почувствовала, что он болен... Вела бы себя по-другому! Но отец ничем не выдавал своего состояния. Клянусь тебе! Мы с мамой отмечали некоторые, мягко говоря, странности в его рассуждениях, поступках – однако списывали это на возрастные изменения, на переутомление.

– Семьдесят один год – еще не время для склероза и маразма.

– Его головной мозг был поражен, – вздыхала Леда. – Мне врачи потом объяснили. Этим и обуславливалась неадекватность отца... в определенных вещах.

– Судя по тому, как он вел бизнес, его мозг работал безупречно. Не каждый молодой и здоровый так сумеет.

– Папа руководил компанией много лет, у него все навыки отшлифовались до автоматизма.

– Автомат бы не справился, – возражал Влад. – Тут думать надо, извилинами шевелить. Да еще как!

Леда пустила в ход аргумент, который ей меньше всего хотелось приводить:

– Что же ты не нашел с ним общего языка?

Молодой человек замолчал – он слегка побледнел, сжал зубы. Да, у него с Куприяновым сотрудничество не сложилось. Проработал под началом Павла Анисимовича год, и тот с треском выгнал нового управленца. «Характер у хозяина не просто скверный, – нашептывали ему на ушко офисные клерки. – Совершенно невыносимый!» Но компания процветала, платили хорошо, и увольняться по своей воле никто не торопился. Владу не повезло. Ни с того ни с сего Куприянов обратил на него пристальное внимание, начал цепляться по мелочам, испытывая менеджера на выносливость, учинил пару разносов, пригрозил санкциями. Тот стал аккуратнее в высказываниях, тщательно следил за документацией, за надежностью сделок. Но шеф как с цепи сорвался. В конце концов Влад не стерпел, огрызнулся. И все, на этом его карьера в компании завершилась.

– Попал под горячую руку, – мрачно изрек он, не глядя на Леду. – Твой папаша был, не в обиду сказано, грубиян редкостный и вспыхивал, как порох. Без повода не ругался, но уж когда расходился... Спасайся, кто может. А я оскорблений терпеть не намерен – ни от кого.

– Вот видишь. Это была не просто вспыльчивость – болезненная агрессивность. Из-за проблем с нервной системой, угнетенной ожиданием смерти. Или патологией мозга.

– Ладно, его уже нет... Я зла не держу. Какая разница, почему он меня уволил? Теперь это не имеет значения.

– Я только хотела сказать, как папа порой бывал непредсказуем, несправедлив и упрям. Причем раньше эти качества не проявлялись так жестко, немотивированно. Болезнь сильно повлияла на его психику.

Мысли о Владе отозвались в сердце молодой женщины тревогой. Мама ошибается, полагая, что они не любят друг друга. Ни один мужчина не волновал ее так, как Неверов. Именно таким она представляла своего жениха в наивных девичьих грезах – красивым, мужественным, умным и предприимчивым. Вдвоем они все преодолеют, из любой ситуации выйдут победителями.

Между ними уже случалась близость – и каждая сладостная подробность тех ночей заставляла Леду замирать от предвкушения будущих ласк. Но Влад уехал по делам и почему-то не слал долгожданных весточек. Его сотовый неизменно сообщал об отсутствии связи с абонентом, а в электронный почтовый ящик, специально созданный для тайной переписки возлюбленных, перестали приходить письма.

Леда плеснула себе еще коньяка. Неужели жених ее бросил, сбежал? Не может быть. Влад слишком хорошо воспитан, чтобы расставаться с женщиной столь вульгарным способом. С ним произошло что-то непредвиденное! Картинки дорожной аварии, бандитского нападения, внезапного приступа какой-нибудь болезни промелькнули в сознании Леды. Нельзя сидеть сложа руки! Надо что-то предпринимать...

Она набрала номер подруги, которая вскользь упоминала о знакомой гадалке. Не пойти ли к ясновидящей? Быть в неведении мучительно.

Подруга выразила готовность договориться с «госпожой Тарой», как величала себя провидица.

– А что стряслось? – поинтересовалась она.

Леда ни с кем не откровенничала. Особенно с подругами. Собственно, таковыми она не обзавелась – правильнее было называть их приятельницами.

– Смерть папы вызывает у меня сомнения, – солгала она. – Хочу посоветоваться, стоит обращаться к частному детективу или нет.

– Уже полгода прошло... – удивленно протянула подруга.

– И все это время мне не дает покоя его кончина. Вдруг ему помогли уйти из жизни?

Глава 3

Астра Ельцова съездила-таки взглянуть на ремонт – отец уговорил. Бабушкина квартира на Ботанической улице преобразилась: новые окна, двери, сантехника, паркетный пол. Работы еще хоть отбавляй, но основное уже вырисовывается.

Господин Ельцов – владелец страховой компании «Юстина» – не был стеснен в средствах и мог сделать сколь угодно дорогой интерьер. Дочь сама попросила обустроить квартиру по средненькому стандарту.

– Мне попроще, папа, – настояла она. – Я уют люблю. Вся эта помпезность меня утомляет. Хочу жить обычной жизнью, понимаешь?

– Ты *иобычная жизнь?* – прищурился отец. – Ушам не верю! А кто из дому сбежал и в домработницы к какой-то немке подался, а потом в сибирскую глухомань укатил, к двоюродной сестрице, которую никто в глаза не видел?¹ Думали, не вернется уже блудное чадо. Слава богу, приехала! Только почему-то не у родных матери с отцом поселилась, а у жениха, то бишь гражданского мужа. Это теперь так называется, да? Когда девушка с парнем живут, невенчаные, – значит, у них гражданский брак. Тьфу! Срамота!

– Мы любим друг друга, – насупилась Астра.

– Почему не сыграть свадьбу по-человечески? – беззлобно ворчал Ельцов. – Мы с матерью что, не люди? Мы внуков не хотим, да? Тебе уже скоро тридцатник стукнет, а ты все девчонкой себя считаешь. Все не остепенишься никак! Вертихвостка. Разве это *иобычная жизнь?* Где ни появишься, там то пожар, то труп...

Он сам испугался вырвавшихся слов, сжал губы, замолчал.

– Вот здесь светлые обои нужны, – как ни в чем не бывало сказала дочь. – А в той комнате – с крупным рисунком. Под старину.

– Почему бы твоему... Матвею не заняться внутренней отделкой?

– Лучше тебя, папа, никто с ремонтом не справится.

Астра встала на цыпочки и чмокнула его в щеку. Ельцов растаял.

– Мебель хоть сами выбирать будете? Или тоже я?

– Конечно, ты! У нас с тобой одинаковый вкус. – Она обвела взглядом стены. – А вот здесь я повешу портрет, который ты Домнину заказывал.²

– Погиб художник. Жаль человека, – вздохнул Юрий Тимофеевич. – Талантливый был живописец. Как он тебя изобразил! Аж дух захватывает. И такая беда, разбился насмерть. Говорят, в парке с колеса обозрения упал.

Астра поспешно перевела разговор на ремонт. Они обсудили кое-какие детали, и Ельцов засобирался в офис.

– У меня важная встреча. Тебя подвезти, дочка?

– Конечно.

Он давно предлагал купить ей машину, но Астра отказывалась. Она не любила водить, да и пробки на дорогах. Общественным транспортом быстрее.

– Надо тереться локтями, – посмеивалась дочь. – Быть в гуще жизни. Здорово повышает иммунитет и тела, и духа.

В загородный коттедж, где поселились родители, Астра приезжала только по праздникам. Иногда одна, чаще с Матвеем Карелиным, которого всем представляла женихом. Они являли

¹ О связанной с этим детективной истории читайте в романе Натальи Солнцевой «Магия венецианского стекла», издательство «Эксмо».

² О связанной с этим детективной истории читайте в романе Натальи Солнцевой «Загадка последнего сфинкса», издательство «Эксмо».

собой странную пару – на людях источали взаимную нежность, но о будущей свадьбе не заговаривали, даже избегали этой темы. Супруги – не супруги. Сожители? Любовники? Поди разберись.

Ельцовы предпочитали не затевать щекотливых бесед, обходить стороной острые углы, уклоняться от вопросов любопытствующих знакомых. Нынче молодые сами свою судьбу решают. Лучше не вмешиваться. Еще свежо в памяти несостоявшееся замужество дочери с Захаром Иванициным, его измена и смерть.³

«Может, Астра и права, что не торопится, – думал Юрий Тимофеевич, глядя на сидящую рядом дочь. – Она пережила настоящую драму. Пусть присмотрится как следует к этому Матвею. В женихах-то все обходительные и предупредительные, а вот какой потом муж получится – не угадаешь».

«Мерседес» мягко катил по вымытому ночным дождем асфальту. Солнце припекало полетному. От земли шел пар, листья на деревьях блестели, в скверах цвела сирень. По краям подсыхающих луж белела пыльца.

– Май в этом году теплый, – благодушно произнес Ельцов. – Видать, лето будет жаркое.

У Астры на коленях лежала изящная шляпка из светлой соломки. Свободный хлопковый костюм горчичного цвета с белыми прошивками очень шел к ее лицу и темным волосам. Она похорошела, как хорошеют весной влюбленные женщины.

«Дай бог! – произнес про себя Ельцов. – Дай бог!»

– Тебе куда?

– В кафе «Миранда», – улыбнулась она. – У меня там встреча назначена. Знаешь Леду Куприянову?

– Покойного Павла Анисимовича дочь? Лично не знаком, но слышал. Горе у них в семье: отец скоропостижно скончался. Крепкий был мужик, не старый – едва за семьдесят. Бизнес вел с размахом, и теперь его женщины остались один на один с этакой махиной – «Куприянов и партнеры». Тут не каждый опытный управленец справится. Не то что несмышленные дамочки. Гиблое дело. Продавать надо компанию! – Он настороженно уставился на Астру. – А по какому поводу встреча? Вы, кажется, никогда не дружили с Ледой, даже не знакомы.

– Вот и познакомимся.

Она поджала губы, и Юрий Тимофеевич понял – вопросов больше задавать не следует. Какая ему разница, зачем молодые женщины ходят в кафе-кондитерскую? Поболтать, полакомиться пирожными, выпить чашечку кофе.

– У «Миранды» останови, – сказал он водителю.

* * *

Столики в кафе были украшены маленькими вазочками с тюльпанами.

Леда уже сделала заказ и нервно разминала в руках длинную сигарету. Табличка «У нас не курят!» ужасно раздражала ее. Астра сразу догадалась, что женщина с сигаретой и есть молодая госпожа Куприянова.

Они поздоровались, и Астра опустилась на свободный стул.

– Вы любите ванильное суфле? – отрывисто спросила Леда. – Нам сейчас принесут. Может, еще что-нибудь?

– Нет, спасибо.

Она молчала, предоставляя Куприяновой право начать разговор. Та медлила. Сигарета в ее тонких ухоженных пальцах сломалась, на скатерть посыпались крошки табака.

³ О связанной с этим детективной истории читайте в романе Натальи Солнцевой «Магия венецианского стекла», издательство «Эксмо».

– Мне рекомендовала вас приятельница, – наконец вымолвила Леда. – Вы обладаете экстрасенсорными способностями?

– Какими, простите?

– Ну... Можете видеть то, что обычным людям не под силу?

– Кто вам сказал?

– Я понимаю, такие вещи не афишируют. Вы принадлежите к избранному кругу, поэтому... все останется между нами. Я могу рассчитывать на вашу... порядочность?

– В полной мере, – кивнула Астри. – Если вы имеете в виду конфиденциальность.

– Да! – принужденно улыбнулась Куприянова. – Я бы не хотела стать объектом сплетен.

– Это исключено. Так чем могу быть полезна?

– Дело в том... Моя приятельница рассказала, что вы помогли одной весьма состоятельной даме выяснить истинную причину смерти ее мужа. Фамилии она не называла, а я не спрашивала. Мне достаточно ее слова.

Леда замолчала и достала из пачки вторую сигарету. Ее пальцы мелко дрожали, выдавая волнение.

– И что же?

– В общем, я хотела пойти к гадалке, но передумала. Я очень щепетильна во всем, что касается нашей семьи. А гадалка, которая широко практикует, может оказаться ловкой мошенницей. Кто поручится за ее молчание? Деньги – большое искушение для людей подобного сорта. По этой же причине я не стала обращаться в детективное агентство. Вы – другое дело. Вы не нуждаетесь в средствах и если согласитесь оказать мне услугу, то сделаете это из сочувствия, из интереса или для того, чтобы развить свои способности. Никому не придет в голову *покупать* у вас информацию.

Астри поморщилась.

– Извините меня за прямоту, – заметила ее гримасу Леда. – Но я играю открытыми картами и жду того же от вас. Разумеется, я заплачу вам, и заплачу щедро. Вы потратите время, силы, и это требует вознаграждения. Я не останусь в долгу.

Госпожа Куприянова пришла на встречу в простых льняных брюках и легкой блузке, которые продаются в магазинах для людей со средним достатком. «Позаботилась, чтобы ее внешность не бросалась в глаза, – отметила Астри. – Явно избегает огласки. Что ж, меня ее подход устраивает».

Волосы Леда спрятала под тонкую косынку, рядом на столике лежали ее темные очки. Она была жгучей брюнеткой – об этом говорили выпущенные на лоб завитки – с черными бровями и густыми ресницами. Ее фигура отвечала бы современным стандартам, если бы не тяжеловатые бедра. К красоте Леды примешивались южные краски – смуглый оттенок кожи, яркий, четко очерченный рот, нежный пушок над верхней губой.

– Речь пойдет о... моем женихе, господине Неверове, – сказала она. – Он уехал в служебную командировку и... пропал. Не звонит, не пишет, не дает о себе знать. Не могли бы вы... *посмотреть*, где он, чем занимается... все ли с ним в порядке?

– Боюсь, вас ввели в заблуждение, – смутилась Астри. – Ясновидение – тонкое и не всегда надежное подспорье в моем методе расследования. А в остальном я, как и остальные, полагаюсь на анализ уже известных фактов. Или ищу подтверждения своим догадкам вполне материальным путем.

– У меня не было сомнений, что я услышу именно это. Я не ошиблась, обратившись к вам. Вы скромничаете! Используйте любые способы, какие сочтете действенными, только найдите Влада. Видите ли, мы обручились тайно, чтобы его положение будущего члена нашей семьи не повлияло на сотрудников компании. Согласитесь, что с наемным управленцем они более открыты, меньше напряжены и скорее проявят свои истинные качества. Мой отец держал всех в ежовых рукавицах. А когда он умер, словно плотину прорвало. Все подавленные намерения

папиных партнеров, директоров фирм, финансистов, менеджеров полезли наружу: компанию просто разрывает на части. Впрочем, я отклонилась от темы.

Официантка принесла кофе, коктейли, суфле и мороженое со свежими фруктами.

– Скажите мне хоть что-нибудь! – взмолилась Леда, когда девушка отошла. – Как вы чувствуете, он жив?

– Жив, – выпалила Астра первое, что пришло ей на ум.

Надо доверять первой мысли. Люди зачастую пренебрегают этим интуитивным импульсом, идущим из подсознания, пускаются в рассуждения и сами себя запутывают.

– Слава богу! – с облегчением выдохнула Куприянова. – Честно говоря, меня мучают ужасные сны. Так вы возьметесь за поиски?

– Введите меня в курс дела, тогда я скажу точно.

Леда развела руками:

– У меня такой сумбур в голове. Лучше вы сами спрашивайте, а я буду отвечать.

– Хорошо. Кто знает о том, что господин Неверов – ваш жених?

– Никто... Кроме моей мамы. Я просила Влада даже его родителей не посвящать пока в наши планы. Надеюсь, он так и поступил.

– Откуда он родом? Возможно ли связаться с его семьей?

– Влад – коренной москвич. Он поздний ребенок. Говорят, такие дети бывают особенно одаренными. Его отец эмигрировал в США, там у него какой-то бизнес, а мама живет на Шаболовке. Она больна и плохо видит. Влад нанимает для нее сиделку.

– Вы звонили его матери?

– Конечно, несколько раз. Она отвечает, что сын в командировке. Дать вам адрес?

Она назвала номер дома и квартиру. Астра записала.

– А другие родственники у них есть? В Москве или где-нибудь еще?

– Я не знаю. Мы это не обсуждали.

– Вы давно знакомы?

– Около двух лет. Влад работал ведущим менеджером в главном офисе, он способный руководитель. Но они с отцом не сошлись характерами, повздорили, и тот уволил Влада. Он сначала терпел придирки отца, потом дал отпор. А папа не допускал пререканий, он был патологически авторитарен. Думаю, болезнь превратила его недостатки в психические отклонения. В общем, он невзлюбил Влада, и мы продолжали встречаться тайком.

– Где вы познакомились?

– На корпоративной вечеринке. Отец в последнее время требовал, чтобы я присутствовала на праздниках и юбилеях компании.

– Когда Влад уволился?

– Примерно год назад. Он подыскивал себе достойное место, а когда папа умер, я попросила его вернуться. Влад хорошо разбирается в документах, в финансовых операциях, умеет заключать сделки, знаком с ходом дел в компании изнутри. Мне некому довериться, кроме него.

– Он и раньше ездил в командировки?

– Да. Довольно часто. И всегда поддерживал связь со мной. А сейчас – как отрезало. Я просто извелась, не знаю, что и думать.

– А куда он поехал?

– В Санкт-Петербург. И оттуда уже не отозвался. Я звонила в наш питерский офис, но тщетно. Он там появился, привел в порядок бумаги, проверил отчеты и сказал, что хочет денек отдохнуть. С тех пор его больше не видели. Прошло уже две недели. Я со дня на день жду – вот-вот позвонит, вот-вот напишет. Пришлет телеграмму, в конце концов! Свяжется по Интернету. Ничего...

– Может быть, стоит заявить в милицию?

– Ни за что! – вспыхнула Леда. – Мы всегда сами улаживали семейные проблемы. Зачем посвящать посторонних в наши личные дела?

У нее на лбу было написано: «Если жених банально сбежал, о моем позоре не должна узнать ни одна душа!»

– Почему бы вам не съездить в Санкт-Петербург? – спросила Астра. – Не поговорить со служащими офиса? Человек не иголка. И он не растворяется в воздухе. Кому-то Влад мог обмолвиться, куда собирается на отдых...

– Это исключено! – перебила ее Куприянова и достала из сумочки конверт с деньгами. – Берите. У вас будут расходы. Вы же не откажетесь помочь мне? Вот две любительские фотографии Влада. Вдруг пригодятся?

Астра вспомнила свои собственные перипетии с женихом. Как женщина женщину, она понимала Леду. Ее заинтересовало странное поведение господина Неверова.

– Он поехал поездом?

– На машине, – обрадовалась Леда. – У него джип «Хонда». Значит, вы согласны?

Глава 4

Водитель рейсового автобуса, следовавшего в сторону Холма, боролся с дремотой.

У него недавно родился ребенок, и о спокойном сне пришлось забыть. Изнурительные ночи сказывались на его самочувствии: голова гудела, глаза слипались, челюсти сводила непрерывная зевота. Включенное радио и мятные леденцы помогли мало. Он крепко держал руль и старался сосредоточиться на дороге.

Вдоль шоссе потянулся смешанный лес – молодые березки, осины, черные на их фоне ели. На этом участке дороги водители старались не останавливаться. Место пользовалось худой славой. Говорят, когда-то, столетия три назад, погибла на болотах молодая монашенка. Она-де сбежала из монастыря, которых в округе было несколько, и не сумела перейти топь, утонула. С тех пор ее неприкаянная душа не знает покоя, бродит, ищет того, по чьей вине прервалась юная жизнь, чтобы жестоко покарать злодея. Она появляется на обочине, голосует, садится в автомобиль, и этот автомобиль бесследно исчезает. Естественно, вместе с водителем. Автобусы с пассажирами, правда, пока не пропадали, но среди шоферской братии прочно укоренилось правило: проезжать проклятое место как можно скорее.

Стояло раннее утро. Над кромкой леса небо порозовело. Понизу стелился туман, видимость оставляла желать лучшего, а водитель автобуса клевал носом. Встряхивая головой, он пытался взбодриться... И едва не проехал остановку у деревни Шубинка.

– Эй! – закричали в салоне горластые бабы. – Очумел, что ли? Зенки-то протри!

Злой нынче народ пошел, никакого уважения к шоферу. «Вот возьму и не открою двери, – оскорбившись, подумал он. – Будете знать, как нужно разговаривать с человеком!»

Выругался, но двери все же открыл. Трое пассажиров вышли, сердито оглядываясь, и зашагали к повороту в деревню. Вместо них вошли старик и девушка. Сонный водитель, провозжая взглядом сварливых баб, не сразу обратил внимание на новеньких.

Старик с седыми космами и жидкой бородашкой смахивал на попа-расстригу: длиннополый плащ, подпоясанный толстой веревкой, сапоги, на плече рюкзак. А девица... заставила шофера проснуться. Одетая во все черное – свитер, безрукавка, брюки, плотно повязанный на лоб платок, – она сидела, смиренно опустив глаза и сложив на коленях руки. Чисто монашка!

«Неужто *самая*? – вспыхнуло в голове. – Не может быть! Монашки в брюках не ходят. Грех это!»

Дремота куда-то делась. Шофер не столько вел автобус, сколько наблюдал в зеркало заднего вида за «монашкой». Поп-расстрига прислонился головой к стеклу и закрыл глаза. Они с девушкой ни словом не перемолвились.

«Вместе они путешествуют или порознь? – гадал водитель. – Сели в Шубинке. А где выйдут?»

– Оплачивайте проезд, – объявил он в микрофон.

Расстрига даже не пошевелился, а девушка вдруг встала и подошла к передней двери. За ее спиной болталась матерчатая сумка.

«Для подаяния? – пришло в голову шоферу. – Надеюсь, у нее там не взрывчатка!»

Он посмотрелся фильмов про террористов, и теперь к боязни привидения примешался страх перед насилием. Что, если старик и девица – переодетые бандиты, которые хотят захватить его автобус и взять пассажиров в заложники?

«Монашка» внимательно смотрела в окно, словно старалась не пропустить приметку, указывающую, где нужно выходить.

Вообще-то останавливаться «по требованию» посреди пути, в отдалении от населенных пунктов, было нежелательно. Но в дороге всякое случается. Может укачать человека, или по нужде приспичит. Однако по виду «монашки» не скажешь, что ей плохо.

Она повернулась и посмотрела на шофера из-под платка. Того бросило в жар. Взгляд ее ничего не просил, но молодой человек понял: лучше ему исполнить любое требование странной пассажирки. И о деньгах не заикаться. Чем скорее она выйдет, тем легче ему станет дышать.

Девушка протянула красивую руку, подала ему пару смятых купюр и произнесла:
– Остановите...

Он беспрекословно притормозил, выпустил ее из автобуса, и она пошла по выстланной зеленоватым туманом просеке в глубь леса. Куда? Зачем? По грибы? Так у нее корзины нет, да и для грибов еще рано. По ягоды? Опять же без корзины, без ведра. И какие в мае ягоды?

– Девка-то, чай, на болота пошла, – неожиданно громко прощамкала старуха, замотанная, несмотря на теплую погоду, в шерстяной платок. – Здесь Дамианова топь начинается, рукой подать. Туда в старину монахи в затвор удалялись от миру.

Ее реплику никто не поддержал, и старуха замолчала. Поп-расстрига чуть приоткрыл глаза и снова закрыл. Между тем тонкая темная фигурка девушки скрылась в тумане.

Если бы водителя спросили, какое у нее было лицо, голос, он бы не ответил. Но что-то неосознанное, непостижимое и тревожное оставила она после себя в автобусе, в мыслях шофера и пассажиров, которые не спали.

* * *

В лесу царил прохладный сырой полумрак. Туман зеленой дымкой поднимался до середины стволов. Вверху рассвет заливал небо и деревья малиновым сиянием. Шумел ветер. Сонно перекликались птицы.

«Монашка» шла медленно, осторожно ступая по краю колеи, полной прошлогодней перегнившей листвы. В тумане старая дорога то и дело пропадала из виду. Потянулось мелколесье. В сыром мареве зазвенели комары.

Наконец взору открылся простор болот. Весной и летом ходить по ним было опасно – яркий ковер мха скрывал под собой зыбкую трясины. Кое-где островками росли маленькие кривые сосенки, молодые осинки и ольха. Между кочками тянулась узкая тропка: того и гляди оступишься и попадешь ногой в покрытую ряской лужу. Резкий запах прели и багульника кружил голову.

Девушка миновала главный ориентир – группу деревьев, сгрудившихся на сухом возвышении, – и свернула налево. Ветер усиливался. В воздухе плавали разорванные клочья тумана. Вставало солнце, в его золотом свете вдаль снова показался лес, и над его стеной – купола сказочного города. Как всегда, это величественное зрелище захватило дух.

Идти оставалось километра три. «Монашка» решила отдохнуть, присела на поваленный ствол, достала из котомки пакет с пышками и пластиковую бутылочку с водой, перекусила. От ходьбы она покраснела, разогрелась.

В начале зимы, когда болото замерзает, добираться по старой дороге легче и быстрее. Но сейчас май, а идти надо. Если бы знать зачем! Что она собирается понять, осмыслить вдаль от человеческого жилья, в безлюдье, в пустынности здешних мест? В ее сердце вкралась жестокая смута, жажда мирских радостей, и это искушение ниспослано свыше. Для чего? Разве она не сделала окончательный выбор?

Девушка глубоко вздохнула, поднялась и зашагала дальше. Ее следы наполнялись черной торфяной водой. Главное – не думать, что под слоем мха, спрессованных корней и перегнивая таится бездонная топь или даже глубокое подземное озеро, в котором водятся лешие и болотные девицы. Они могут уцепиться за ноги одинокого путника и утащить вниз, в угольную черноту вод.

К полудню она добралась до полуразрушенной каменной ограды и с облегчением смахнула со лба капельки пота. Вблизи «золотой город» оказался всего лишь развалинами заброшенного монастыря, затерянного среди топей. Дамианова пустынь...

Можно только гадать, где находились три века назад многочисленные постройки – часовня, конюшни, погреба, деревянные сараи, склады для провизии, хлебный амбар, прачечная, баня, каретный двор. Не верится, что сюда можно было добраться в карете! «*При державе Благочестивейшаго Великаго Государя и Великаго князя Петра Алексеевича Всея Великия и Малыя и Белья России*» к монастырю вела оснащенная дренажной системой дорога. А сейчас она пришла в полную негодность, но все еще служит надежным указателем.

Из всех строений уцелели только часть келий и руины каменного собора. На его крыше виднелись голый остов купола, несколько луковок и молодые деревца. Кладбище заросло березняком и кустарником. Среди зеленой гущи едва выглядывали чугунные кресты. Колокольню во время войны уничтожили немецкие снаряды, но призрачные колокола звонят по сей день. От их глухого медного гула мороз идет по коже.

Пустые арки окон забраны ажурными чугунными решетками. Если бы не болота, охотники за наживой давно сдали бы их на металлолом.

Затаив дыхание, «монашка» переступила порог храма. Какая-то птица с шумом взмыла вверх, уселась на кирпичный карниз. Выщербленные серые плиты пола, усыпанные каменной крошкой и сухими листьями, гасили звук шагов. Под высоченными сводами бродило гулкое эхо.

Девушка замерла у мраморных фрагментов иконостаса, опустила на колени. Чего просить у Бога? О чем молиться?

Вся ее простая, небогатая событиями жизнь развернулась перед ней – детство, юность, скупые ласки отца, нежные заботы матери, стены детской, оклеенные розовыми обоями, на окне – штора из соломки, сквозь которую узкими полосами просвечивало солнце. По праздникам семья собиралась за большим столом: твердые края накрахмаленной скатерти, начищенные столовые приборы, вино в хрустальных бокалах, вкусная еда. В центре стола – непременно запеченный до хрустящей корочки гусь или утка, обложенные ломтиками лимона и зеленью. Большая новогодняя елка в блестящих игрушках; конфеты на ветках, подарки в яркой оберточной бумаге, свежий запах хвои, мандаринов и слоеного торта. Папа разрезает обильно пропитанный заварным кремом торт...

– Ешьте, дети.

– Таюшка, какое у тебя красивое платье! – восхищается мама. – Ты у нас просто принцесса!

Какие безутешные слезы проливала маленькая Тая, уронив на пышную юбку с воланами кусок торта! Папа строго грозил пальцем, а у самого глаза смеялись. Мама гладила дочку по головке, успокаивала:

– Не беда! Новое купим, еще лучше!

Разве то было горе? Много позже, спустя годы Тая осознала, что проливала тогда слезы счастья.

Она помнила себя еще совсем крохой, неуклюжими шажками ковыляющей к отцу, к его большим ногам, обутом в красивые туфли, – ручонки не хватало, чтобы обнять эти ноги, прильнуть к ним и застыть, вдыхая запах кожи и шерстяной материи, почувствовать себя защищенной от всех невзгод. Она думала, так будет всегда...

Бог рассудил, что людям лучше не ведать своего будущего. Великая мудрость заключена в этом и великое милосердие.

«Монашка» очнулась, поднялась с колен. Опять вместо молитвы ее затопили воспоминания. Прошлое, от которого она отказалась, не собиралось отступать от нее. Оно по-преж-

нему стояло у нее за плечами – полное пугающих видений, грешных мыслей и мирских желаний. Не так-то легко отрешиться от земного в юдоли сей...

Умноженные эхом звуки из-под пола заставили ее насторожиться. Здесь никого не должно быть, только она и Бог. Что-то прокатилось под каменными плитами, словно всплеснула хвостом матерая щука.

Девушка поспешно перекрестилась, прислушалась. Она знала, что в подвалах храма стояла вода, – дренажные траншеи и трубы столетиями засорялись, а чистить их было некому. Но кто мог возмутить спокойствие этих затхлых подземелий?

Захотелось выйти на воздух, к солнцу, деревьям, синему небу с барашками облачков.

Бывший монастырский двор густо зарос мелким кустарником, душистыми травами. Стрекотали сороки, где-то на стволе старой осины постукивал дятел. «Монашка» сняла черный платок, расправила волосы. В ее лице, как и в окружающей природе, нежные тона весны уже сменялись плотными красками лета, – золотистый румянец, ярко-зеленые глаза, карминные губы. Навскидку ей можно было дать года двадцать четыре, но в линии бровей, в мягкости взгляда, в едва намечившихся морщинках уже читалось тридцатилетие.

– Господи! – воскликнула она, срывая колокольчик. – Хорошо-то как...

Москва

Приближалось лето.

Матвей Карелин понимал: как только закончится ремонт в квартире на Ботанической, Астри переедет туда, и их непонятные дружески-любовные отношения примут иной характер. Они так и не объяснились, так и не разобрались, какие тропинки привели их друг к другу, сблизили, заставили переосмыслить предыдущую жизнь.

Они оба родились и выросли в Москве, а встретились в глухом Камышине. Если бы Матвей обитал на другой улочке, если бы Астри вышла из электрички на другой станции, если бы на нее не набросился бешеный пес, а Матвей не выбежал на ее крики, они бы никогда не познакомились. Но все произошло так, как произошло.

Теперь они изображали жениха и невесту, которые уже живут под одной крышей. Вряд ли кто-нибудь поверил бы, что никакого интима между ними нет, – они как будто дали обет целомудрия, безбрачия... или платонической любви. Астри искренне думала, что не собирается выходить замуж. Матвей и слышать не желал о женитьбе.

Она решила покончить с прошлым и заняться частным сыском. Матвей согласился оказывать ей посильную помощь. Спасаясь от пожара в доме баронессы, «камышинской немки», она взяла с собой «венедианское» зеркало, сухой корешок мандрагоры и видеокассету со странными эпизодами, записанными на пленку убийцей.

– Эти картинки определяют будущие события! – твердила Астри.

Корешок, по форме напоминающий крошечного сморщенного человечка, она называла *Альрауном* – домашним божком, гномом, оборотнем, который всюду следует за своим хозяином и выручает в трудные моменты.

– Я вынесла его из огня, теперь он мой должник.

Матвей смеялся, но переубедить Астру не мог – она была чертовски упрямой. В полнолуние Астри брала корешок с собой в постель.

Матвей как-то не удержался:

– Твой любовник?

– В лунные ночи он особенно страстен! – без запинки парировала она. – Не то что некоторые. Он не боится переходить *натот берег*.

Она часами могла сидеть перед «венедианским» *зеркалом* – не прихорашиваясь, а разглядывая свое отражение и беседуя с ним. Женщина в золотистой глубине *зеркала* была ее сивиллой, предсказательницей, советчицей.

Узеркала имелось имя – полустертая надпись на обратной стороне: *ALRUNA*.

– *Альраун* и *Алруна* происходят от древнего названия мандрагоры: нечто таинственное, сокровенное, – объясняла Астри. – Это не простой корешок и не простое зеркало. Они оба живые!

– Пусть будет по-твоему, – скептически усмехался Карелин. – Только глупец вступает в спор с женщиной.

Он неожиданно увлекся Астрой, и придуманная ею для окружающих легенда про жениха и невесту перестала казаться ему бредовой. Гражданский брак – чем плохо? Однако и этот брак был мнимым. Астру, казалось, все устраивало. Она, словно перелетная птица, остановилась на отдых перед дальнейшим путешествием. Того и гляди вспорхнет и полетит в заморские страны.

Матвей ловил себя на мысли, что ему не хочется отпускать ее.

Вечером, возвращаясь домой, он видел свет в окнах своей квартиры, и сердце его замирало от беспричинной радости. Сейчас Астри накроет стол к ужину, они выпьют по бокалу красного вина и будут вести странный и волнующий разговор, полный недомолвок и туманных

намеков. Что ему так нравилось в путаных, интригующих речах Астры? Он бы и сам хотел понять.

Карелин, хозяин преуспевающего конструкторского бюро, проводил день в офисе. После работы, по вторникам и четвергам, он занимался с группой «трудных» подростков в военно-спортивном клубе «Вымпел», обучал их рукопашному бою и выживанию в экстремальных условиях, ненавязчиво прививал ребятам здоровые привычки. Умение найти подход к молодым парням, которые исповедовали нигилизм и полную свободу нравов, к каждому подобрать ключик и задеть чувствительную струнку в душе передалось Матвею вместе с генами: его отец уехал на Кубань выращивать виноград и айву, а неприкаянных мальчишек оставил на попечение сына. Тот сначала с неохотой принял эстафету, а потом стал все больше проникаться проблемами подрастающего поколения. Ребят не проведешь. Они чувствуют, кто искренне к ним расположен, а кто играет роль «добротого учителя».

– Я вас не учу, – говорил он своим подопечным. – Я с вами дружу.

Астра горячо поддерживала взгляды Матвея и с удовольствием общалась с мальчишками из его группы. Они, в свою очередь, сразу влюбились в Астру Юрьевну и слушали ее с открытыми ртами, вызывая легкую ревность наставника.

– Как твои парни? – спрашивала она, едва он переступал порог.

– Ты бы мной поинтересовалась! Как мои дела, удалось ли мне пообедать сегодня? Сколько клиентов морочили мне голову?

– Не ворчи, – улыбалась Астра. – Я от скуки сделала гусиный паштет. Давай садись за стол.

Кулинарию она освоила, работая компаньонкой у баронессы Гримм, притом довольно недурно.

Сегодня Матвея ждал приятный сюрприз – шоколадный торт по венскому рецепту.

– О! – воскликнул он. – Запах божественный. А вкус...

– Это из «Миранды», – разочаровала его Астра. – Я встречалась там с Ледой Куприяновой. У нас новое дело! Будем искать господина Неверова, ее жениха.

– Ты хочешь сказать – у тебя новое дело?

– У нас, – повторила она. – Можешь отлучиться на недельку из своего бюро? Мы едем в Санкт-Петербург. Ты видел этот прекрасный город весной?

Глава 5

Подмосковный поселок Витеневка

За завтраком Римма Николаевна заметила, что у Леды совершенно отсутствует аппетит. Она с тревогой наблюдала за дочерью.

– Ты здорова?

– Да, – машинально кивнула та.

– Как Влад?

– Хорошо.

– Значит, опять худеешь? Ну, лапушка, это уж чересчур, ей-богу! И так в чем душа держится!

Леда сочла за лучшее промолчать.

Мама являла собой образец наивности и беспомощности, какой-то даже комичной не приспособленности к жизни. Она существовала в своем собственном мире, отделенном от остального мира Китайской стеной. Бедная! Она не подозревала об истинном положении дел, и с ней было бесполезно говорить об этом. Все равно в одно ухо влетит, в другое вылетит. Как она умудрилась просуществовать бок о бок с отцом столько времени и ничего не перенять? Впрочем, она была ему подходящей женой. Другая женщина не выдержала бы и дня.

– У нас неприятности, мама. Серьезные проблемы с финансами.

– Влад все уладит. Нам не стоит путаться у мужчин под ногами. Папа всегда все вопросы решал сам.

– Влад задерживается в Санкт-Петербурге, – нервно произнесла Леда. – Он приболел. Слег с гриппом.

– Надеюсь, ничего опасного?

– Я тоже... надеюсь! – Она вскочила, испытывая непреодолимое желание глотнуть коньяка. Но наливать при матери Леда не осмеливалась.

– Глупышка! – пробормотала Римма Николаевна, покончив с омлетом. – Чего ты переживаешь? Подумаешь, грипп? При его-то крепком молодом организме? День-два, и все как рукой снимет. И о финансах не стоит беспокоиться. Не в деньгах счастье!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.